

Алла Любченко

Рыжкая чайка

Алла Любченко

Рыжая чайка

«Издательские решения»

Любченко А. И.

Рыжая чайка / А. И. Любченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931924-1

Перед вами история большой семьи. В жизни героев было многое: радостные открытия, досадные разочарования, предательства близких людей, горькие разлуки и, конечно же, настоящие чувства. Так тяжело возвращаться в места, где ты уже когда-то был, и встречать людей из своего прошлого. Так тяжело начинать всё с чистого листа... Но несмотря на удары судьбы, герои продолжают верить в то, что у каждого есть право на любовь и на счастье.

ISBN 978-5-44-931924-1

© Любченко А. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая.	6
Глава вторая.	9
Глава третья.	14
Глава четвертая.	18
Глава пятая.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рыжая чайка

Алла Ивановна Любченко

Корректор Екатерина Федорова

© Алла Ивановна Любченко, 2018

ISBN 978-5-4493-1924-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Дорога в прошлое

Дождь, с утра заливавший город потоками воды неожиданно прекратился. О нем теперь напоминали лишь лужи на асфальте да тяжелые серые облака на мрачном, низко нависшем над домами небе. До отправления поезда Москва – Нижнереченск оставалось около получаса. Лара, легко поддавшись вокзальной суете, торопливо катила свой чемодан по мокрому асфальту перрона. На чемодане в неустойчивом равновесии громоздилась вместительная дорожная сумка, которую девушка то и дело поправляла и придерживала свободной рукой.

Готовый к отправлению состав вытянулся вдоль третьего пути. Лариса подошла к своему вагону и встала в конце очереди пассажиров, столпившихся у одной из его дверей. Люди быстро продвигались вперед, и скоро девушка оказалась перед милостивой проводницей, одетой в темно синюю униформу. Поздоровавшись, она подала ей свой паспорт и билет.

– Добро пожаловать! – Лицо гостеприимной хозяйки вагона осветила дружелюбная улыбка. – Проходите, Ваше место в четвертом купе.

Поблагодарив вежливую служащую РЖД, Лара вошла в вагон, без труда нашла свое место и, разместив под нижней полкой чемодан с сумкой, удобно села у окна. Отсюда хорошо просматривалась часть перрона и быстро убывающая толпа людей перед вагоном. В купе заглянула пожилая женщина.

– Добрый день, – кивнула она Ларе. Затем, повернув голову в сторону коридора, прокричала кому-то, – проходи сюда, Уляша, наши два места здесь.

Уляша оказалась прехорошенькой девчушкой примерно четырнадцати лет от роду, одетой в бледно – голубые джинсы и ярко – красную спортивную куртку, поверх которой вокруг шеи был намотан белый шерстяной шарф.

– Здравствуйте, – поздоровалась она. – Какая симпатичная у нас с тобой, бабуля, попутчица, – с интересом посмотрев на Лару, проговорила девочка.

Чтобы не мешать соседям, размещавшим в купе свою дорожную кладь, Лара вышла в коридор и с усилием приоткрыла фрамугу окна. В вагон ворвался свежий пахнувший осенней сыростью воздух, а вместе с ним – редкая морось вновь начавшегося дождя. Стал отчетливо слышен голос диктора, напоминающий по радио о скором отправлении поезда на Нижнереченск. Спустя несколько минут после радиосообщения вагон, подхватив запоздалых пассажиров, дернулся, тронулся с места и, оставляя позади себя перрон с провожающими, устремился вслед за локомотивом.

– Ну, счастливого пути, – тихо произнесла Лариса, глядя на появившиеся за окном светлые высотные здания нового спального района столицы.

«Хорошеет и растет Москва», – подумала она и тут же нахмурила лоб. Вспомнилась толчея в столичном метро, ежедневные изматывающие душу пробки на дорогах. Лара еще раз мысленно поблагодарила своего шефа, выбравшего из всех сотрудников ее для поездки в Нижнереченск. Эта командировка позволяла на время отвлечься от надоевшей деловой рутины и проблем, так неожиданно свалившихся на голову Ларисы.

«Все будет хорошо, – успокаивала она себя, – смена среды обитания позволит мне отдохнуть в провинции от московской суеты, поможет выбросить из головы хотя бы на время мысли о Ермолине и проверить прочность его чувств ко мне».

Она вошла в купе, аккуратно повесила на вешалку свою куртку с шарфом и, усаживаясь за стол напротив бабушки и внучки, с улыбкой произнесла:

– Нам повезло, едем пока втроем.

– Такой компании как наша помешать уже никто не сможет, – засмеялась женщина. – Давайте знакомиться, – предложила она. – Меня зовут Глафира Леонидовна, я работаю в библиотеке. Моя внучка Ульяна – ученица девятого класса Нижнереченской гимназии. – Женщина с любопытством посмотрела на соседку. – А к Вам как обращаться? – чуть помедлив, спросила она.

– Лариса, я еду в Нижнереченск по служебным делам. – Удовлетворила Лара любопытство случайной попутчицы.

Однако Глафира Леонидовна оказалась женщиной не только любопытной, но и словоохотливой. Она засыпала Лару ворохом вопросов, связанных с бытовыми проблемами москвичей. Ее интересовали столичные театры, известные актеры и актрисы, работающие в них, причем больше всего занимала теневая сторона жизни московской артистической элиты. Будучи хорошо осведомленной о деятельности наиболее известных обитателей Нижнереченска, она легко и непринужденно стала посвящать в их тайны свою случайную попутчицу.

Беседа, ненадолго прерванная ужином и после него подогретая крепким чаем из вагонного котла, затянулась далеко за полночь. Их разговорам не мешала Ульяна, уснувшая на верхней полке. Второе место наверху к радости обеих пассажирок так и осталось не занятым. Тесное общение соседок по купе продолжалось с небольшими перерывами на сон и еду весь следующий день и закончилось только утром, когда поезд, медленно сбавляя скорость, стал подъезжать к перрону Нижнереченского вокзала.

Распрощавшись с Глафирой Леонидовной и Ульяной, Лара вышла на привокзальную площадь и оглядела ее в поисках такси. Заметив ряд желтых легковушек, направилась к ним.

– До гостиницы «Центральная» довезете? – спросила она у одного из водителей, противравшего тряпкой лобовое стекло машины.

– Без проблем, – улыбнулся тот, окинув Лару быстрым цепким взглядом. – Садитесь, девушка, в салон. Я сам помещу Ваш чемодан с сумкой в багажник.

До гостиницы доехали быстро. Она находилась в центре города на улице ранее носившей имя Ленина, а теперь переименованной в Губернскую.

Водитель такси, получив чаевые, услужливо перенес вещи Ларисы в гостиничный холл и оставил их у массивного кожаного кресла, рядом с которым на стуле нес службу скучающий охранник.

Простившись с шофером, Лара подошла к девушке администратору. Та дежурно улыбнулась, быстро оформила сроки пребывания ее в гостинице и вручила ключ от номера.

Поскольку номер находился на втором этаже, Лариса воспользовалась лифтом. Выйдя из его кабины, она с трудом покатила свой чемодан по длинному гостиничному коридору, пол которого был спрятан под мягкой ковровой дорожкой. Взгляд Лары сосредоточено заскользил по шеренге дверей с блестящими латунными номерными знаками. У двери с номером двадцать семь девушка остановилась.

«Дошла наконец, – облегченно вздохнула она. – Слава Богу, дорожные мучения закончились!»

Комната, в которую она вошла, оставив свои вещи в маленькой узкой прихожей, удивила рисунком свежих обоев, новизной голубого стеганого покрывала на одноместной кровати и подобранных в тон ему легких штор. Мебель была не новой, но ухоженной, а пол из ламината покрывал чистый бежевый палас. Подойдя к окну, Лара увидела на другой стороне улицы три этажа жилого дома добротной сталинской постройки, возвышающихся над броской вывеской магазина и сквер рядом с домом, листву высоких деревьев которого уже тронули желтизна и багрянец осеннего увядания.

«Нижнереченск почти не изменился, – глядя на тихий сквер, подумала девушка. – А ведь прошли годы после моего вынужденного бегства отсюда».

Лара вспомнила, каким облупленным, грязным и унылым выглядел этот город в девяностые, когда она и ее мама приехали сюда на похороны тети Оли.

Сейчас он совсем другой. Исчезли с улиц многочисленные ларьки и палатки. Местные власти разогнали стихийные рынки с навязчивыми торговцами снедью и тряпьем, подновили фасады старых зданий и, не щадя тощей городской бюджет, вымостили тротуарной плиткой улицы центральной части города.

Глава вторая. Сюрпризы от мужчин

В начале девяностых годов прошлого века вставшая на дыбы, разодранная и больная страна, пытаясь выжить, меняла ориентиры. На смену сдерживающим людскую природу социалистическим приходили новые рыночные отношения, выстроенные зачастую на обмане, произволе и насилии.

Мама Лары, Майя Владимировна, долгие годы заведовавшая сектором в одном из столичных НИИ, оказалась не у дел. Сначала ей несколько месяцев не платили зарплату, а потом, сокращая институтские штаты, уволили. Куда податься в таком случае? Ответ один – в торговлю. Другую работу, а тем более по специальности, в те времена найти было очень трудно. Люди торговали буквально на каждом углу. Они выстраивались с товаром в длинные шеренги вдоль улиц, стояли в подземных переходах, на людных местах у станций метро.

Мать и дочь Ружанские жили в десяти минутах ходьбы от станции метро «Спортивная», а там, как известно, в знаменитых на всю страну «Лужниках» бушевал людскими страстями огромный разноликий рынок. Он был до отказа набит польскими, китайскими, турецкими и корейскими товарами на любой вкус и кошелек. Именно туда, в палатку к низкорослому, коренастому, обросшему с ног до головы черными волосами Ашоту, судьбе было угодно забросить неопытную в рыночных делах Майю Владимировну. Говорил ее хозяин по-русски с заметным кавказским акцентом, однако был сметлив и в меру умен. Он быстро понял нрав своего продавца и причины, побудившие ее стать у прилавка, поэтому был немногословен и держался в общении с ней вежливо.

Майя Владимировна теперь вставала очень рано. В шесть часов надо было принять у Ашота товар, а потом разложить и развесить его в палатке. В восемь открывались ворота рынка и на узких проходах между рядами палаток появлялись первые покупатели. Чуть позже эти проходы уже заполнялись нескончаемым людским потоком. Люди присматривались к вещам, ощупывали их, приценивались, торговались, покупали или отходили прочь. Некоторые из ушедших возвращались вновь и забирали приглянувшиеся кофты, которыми торговала Майя оптом и в розницу.

Майе Владимировне доставался небольшой процент от продаж, поэтому она была заинтересована в том, чтобы торговля была активной. Главное в этом деле – считала женщина – не упустить покупателя. Такие же пушистые корейские кофточки дотошный клиент мог приобрести еще в нескольких торговых точках огромного бойкого вещевого рынка. Добротный и красивый товар Майи Владимировны пользовался спросом, да и сама торговка всем своим видом внушала людям доверие, поэтому кофты ее шли нарасхват. Вечером после закрытия рынка она сдавала дневную выручку Ашоту. Он внимательно пересчитывал оставшийся непроданным товар и, довольный результатом дня, одаривал свою работницу золотозубой улыбкой.

Получив от хозяина заработанные за день деньги, Майя Владимировна, уставшая до изнеможения, возвращалась домой. Неторопливо съедала нехитрый ужин, приготовленный Ларисой, и рано ложилась спать, чтобы на следующее утро начать все с начала. Шумные деятельные рыночные дни ее были как братья близнецы похожи друг на друга. С каждым из них уходила в небытие частица ее жизни, прожитая хоть и не напрасно, но совсем не так, как это было задумано сначала ее родителями, а потом и самой Майей.

Майя с детства обучалась музыке, танцам. Занималась с репетиторами английским языком. Учение в школе давалось ей легко и приносило чувство удовлетворения. Любые усилия ее на этом поприще вознаграждались заслуженными отличными оценками и похвалой родителей. Отец с матерью не жалели ни денег, ни времени для своего единственного ребенка.

С ними Майя обошла все столичные музеи, побывала на многих выставках, просмотрела спектакли лучших театров Москвы, много путешествовала по стране. Маечка не подвела родителей, оправдала их надежды. Она без особого труда поступила в престижный московский вуз, после окончания которого была распределена в НИИ.

Еще, будучи студенткой, Майя познакомилась с очень интересным, как ей тогда казалось, молодым человеком. Вернее их с Олегом познакомили родители. Папа Майи и отец Олега были сослуживцами, проработавшими довольно долго бок о бок на ответственных должностях в закрытом ведомственном учреждении. Олег, который был старше Майи на три года, сразу пришелся девушке по душе. Всегда модно и со вкусом одетый, с неизменной легкой улыбкой на красивом лице он казался Майе сказочным принцем, посланным ей судьбой. То, что пряталось за улыбкой и гламурной одеждой Олега Майю мало интересовало. Уж очень внешне пригож был жених. Поэтому свое согласие на брак с ним Майя, пребывая в любовном угаре, дала без долгих раздумий.

Отрезвление наступило очень скоро, сразу после того, как она переехала жить к мужу в его двухкомнатную кооперативную квартиру, подаренную родителями сыну перед женитьбой. Муж, увидев неприспособленность Майи к ведению хозяйства, решил сделать из нее умелую домохозяйку. Причем подошел он к решению этой нелегкой задачи жестко и слишком болезненно для самолюбия жены. Он критиковал приготовленную ею пищу, грубо указывал на недоработки в уборке квартиры, всеми способами пытался отлучить от дома подруг Майи, стремился сузить ее жизненное пространство до размеров кухни и продуктового магазина.

Он с каким-то почти садистским наслаждением принижал любые успехи своей жены, старался своими словами и действиями подавить ее волю. Олег стал запрещать Майе пользоваться косметикой. Безжалостно выбрасывал в оконную форточку попадавшие под руку средства, которыми она, как и многие другие женщины, умеренно пользовалась, чтобы придать своему миловидному лицу модный современный лоск. При малейших попытках жены сделать легкий, едва заметный макияж он, несмотря на ее сопротивление, грубо стирал косметику с лица первой попавшейся под руку салфеткой или полотенцем. В присутствии своей матери Олег любил, как бы шутя посмеяться над женой, а однажды, не боясь ее обидеть, задал матери откровенный вопрос

– Кого вы с отцом мне подсунули?

Мать Олега, не желая разжигать скандал, только с укоризной покачала головой, а Майя, обомлев от обиды и потеряв чувство реальности, высказала в сердцах Олегу все, что она о нем теперь думает.

– Ты самовлюбленный эгоист, – гневно бросила она мужу в лицо. – Ты с детства привык к всеобщему обожанию. Да ты смазлив, это у тебя не отнимешь. Но за маской твоей привлекательности я не вижу души. Ты бездушное бревно, которое не может понять и оценить того, кто находится с ним рядом. Порой мне кажется, что ты отличаешься от прочих людей слишком толстой кожей, лишенной рецепторов. Я хотела, но не смогла почувствовать в тебе тонкость души, внутренний трепет и настрой, который позволяет людям сострадать и понимать друг друга. Ты жесток особенно с теми, кто выше тебя духовно и слабее физически. Такова твоя природа. – Майя перевела дух и, опершись ладонями о край стола, уже твердо и спокойно произнесла. – Ты ничего в жизни не добился сам, все сделали за тебя родители. Ленивого заносчивого троечника отмазали от армии и по блату засунули в вуз. Используя связи отца, пристроили после окончания института на теплое местечко с хорошей зарплатой и снабдили жильем. Стараниями родителей тебе досталась я. Ты, видя во мне безропотную овцу, все время пытался сломать меня, превратить в молчаливую прислугу, которая покорно принимала бы твои ночные домогательства и издевательства днем. – Майя с возмущением посмотрела на Олега.

Он стоял перед ней, насупив брови, прищулив серые глаза, в которых билась злая и насмешливая мысль. Ты покричи, а я послушаю, – как бы говорили его выразительные глаза. – Я отыграюсь на тебе, как только мы останемся одни.

– Я не боюсь тебя, Олег, – глубоко вздохнув, произнесла Майя. – Я любила тебя, поэтому терпела все твои выходки. Но я не бессловесная скотина, которой можно бросать оскорбления в лицо, а человек, привыкший постигать суть вещей. Твоя сущность мне теперь понятна. Ты перестал интересовать меня как личность. Мне такой муж не нужен. Я уйду от тебя, Олег и освобождаю твой дом от своего присутствия.

– Далеко не уйдешь, вернешься как миленькая, – хрипло произнес Олег, – только смотри, чтобы поздно не было. Люди говорят, что «свято место пусто не бывает», – усмехнувшись, добавил он.

– Не жалеет он тебя, Маечка, – с горечью произнесла свекровь. – Не жалеет, – чуть помедлив со вздохом, добавила она. – Тут уж я бессильна.

В тот же день Майя, наспех уложив в чемодан свои вещи, ушла от мужа и переехала жить к своим родителям. Она не сказала Олегу о событии, которое в корне могло бы изменить сложившиеся в их семье отношения, не поставила его в известность о своей беременности, про которую узнала от врача только неделю назад. Зная Олега, она сомневалась в том, что его отношение к ней после такого известия изменится к лучшему. Наоборот, понимая, что она теперь будет жертвовать всем ради блага ребенка, он поведет себя еще более жестко и деспотично. При малейшей ее попытке освободиться от его тирании он может начать борьбу с ней за ребенка. Так думала Майя, разрывая отношения с Олегом. Но все оказалось намного проще. Ситуация полностью прояснилась, когда через месяц после ухода Майи Олег подал в суд заявление о разводе. В зале суда Майя узнала еще одну тайну жизни бывшего мужа. О ней не догадывались ни Майя, ни его родители. У Олега на стороне была любовница из «понаехавших» и сын, которого эта женщина успела родить, когда Олег еще не был женат на Майе.

Майя осталась без мужа. Она, занятая учебой, окруженная подругами, сокурсниками и заботой родителей не чувствовала себя одиноко. Воспоминания об Олеге были вытеснены каждодневными институтскими и домашними хлопотами, в которые Майя поспешила окунуться с головой. Жизнь с Олегом казалась ей теперь дурным сном. Она заставляла себя не думать о нем, гасила в своем сознании любые мысли о бывшем муже и забыла бы его совсем, если б не живший в ней ребенок, который с каждым месяцем все явственней напоминал о себе.

Вторую половину беременности Майя, взяв в институте академический отпуск, провела сначала в Москве, а потом с родителями на даче в Жаворонках. Дочь свою она родила ранним июльским утром и без долгих раздумий назвала Ларисой.

Рождение ребенка окрасило быт Майи в новые тона, заставило ее пересмотреть прежние представления о жизненных ценностях. Огромный красочный мир, окружающий Майю, сконцентрировался теперь в маленьком беспомощном комочке жизни, каким была ее дочь. Это кричащее по любому поводу существо, высасывающее из матери соки и громогласно заявляющее плачем о любом дискомфорте, требовало все большего внимания и отнимало у Майи последние силы. Порой после бессонной ночи у кровати дочери Майя буквально валилась с ног и наверно дошла бы, в конце концов, до полного физического истощения, если бы не помощь родителей. Они переложили на свои плечи решение многих бытовых проблем, помогли материально. Только благодаря их заботе Майе удалось закончить обучение в институте, получить диплом и устроиться на работу по специальности в НИИ.

Мама Майи, Ксения Николаевна, все свое время посвящала внучке. Лара росла под присмотром бабушки и с каждым годом становилась все больше похожей на мать. Ее хорошенькое личико украшал такой же, как у матери ореол пышных тёмно-рыжих волос. Материнскими были большие карие глаза, аккуратный нос и врожденная мягкая гибкость худощавого тела.

От отца она унаследовала лишь четкий контур небольших губ, да темную родинку у подбородка.

Дочь выросла, а Майя медленно, но настойчиво продвигалась вверх по служебной лестнице, чему в немалой степени способствовал растянувшийся во времени роман, случившийся с ней на работе. Она полюбила своего начальника – Михаила Александровича Эйдельмана – человека мягкого, порой даже нерешительного, но обладающего обширными, почти энциклопедическими знаниями. Высоколобый светловолосый – он был очень хорош собой. Его породистое лицо с внимательными карими глазами обезоруживало Майю и лишало ее воли. Их связь уже давно перестала быть тайной для сотрудников отдела, руководителем которого был Эйдельман.

Слухи об их запретной любви, без сомнения, дошли до жены Михаила Александровича, которая, будучи женщиной рассудительной и не глупой, никогда при муже не упоминала о любовнице. Боясь потерять Михаила, она не устраивала дома бурных сцен, не предпринимала попыток встретиться с Майей и вела себя так, будто ей ничего не известно о двойной жизни ее ненадежного супруга. Михаил Александрович же никак не мог сделать выбор между домом, где росли два сына – подростка, и Майей, с которой его тесно связала постель и работа. Эйдельмана вполне устраивали сложившиеся отношения, при которых он имел крепкую семью с устроенным домовитой женой бытом и молодую красивую любовницу. Майя, страшась разрыва любовных уз, не торопила Михаила Александровича. Она правильно оценила ситуацию и, позабыв о своем самолюбии, молча согласилась на вторую роль в его хитрой любовной игре.

В злосчастные для Майи восьмидесятые годы ушли из жизни ее родители. Сначала, потерпев поражение в борьбе с лейкемией, умерла Ксения Николаевна. А через три года после ее смерти сердечный приступ свел в могилу отца. Эйдельман не оставил ее в беде. Он помог в организации похорон, поддержал морально и материально.

В конце восьмидесят девятого года Михаил Александрович признался Майе, что планирует с семьей уехать на постоянное место жительства за рубеж и уже начал сбор документов, необходимых для поездки. Он долго и убедительно говорил о надвигающихся глобальных изменениях в экономике страны, о крушении в связи с этим его надежд на профессиональный рост, об отсутствии возможности в этом движущемся к пропасти сообществе государств дать своим сыновьям достойное образование. Он клялся Майе в любви, говорил, что прирос к ней душой и телом, что ему мучительно и тяжело оставлять ее здесь одну, такую ранимую и беспомощную, так мало приспособленную к суровым жизненным невзгодам. Здесь в Москве, по его словам, остается вместе с ней самая чистая и нежная часть его души. Он обещал после своего обустройства в Америке вызвать Майю с дочерью в США и помочь им наладить жизнь в эмиграции.

Майя молча слушала взволнованную, прерываемую частыми вздохами речь Михаила Александровича и понимала, что судьба в этот момент наносит ей новый удар – такой же болезненный и неотвратимый, каким была смерть ее родителей.

– Что ж, в этом безжалостном мире за все полагается платить. – Тихо сказала Майя. Она боялась посмотреть в глаза Михаилу и увидеть в них ту голую беспощадную правду, которую он так мастерски пытался от нее скрыть. – За годы безмятежного счастья с тобой, Миша, мне теперь придется заплатить годами одиночества. Борьба за твою любовь окончилась для меня поражением.

После отъезда Михаила Александровича с семьей за границу жизнь для Майи потеряла смысл, превратилась в скучное унылое существование. Работа, которая раньше доставляла ей радость и удовлетворение, стала постылой необходимостью. Майя жила теперь только интересами дочери, так похожей на нее. «Неужели она и судьбу мою разделит? – глядя на дочь, с беспокойством думала Майя. – Не дай бог этому случиться».

Лишившись работы в НИИ, Майя Владимировна занялась торговлей. Рынок помог ей с дочерью выжить. Более того, зарабатываемые Майей в Лужниках деньги давали возможность их малочисленной семье не только кое-как сводить концы с концами, но и получать дочери высшее образование.

Глава третья. От греха подальше

Лето девяносто четвертого года Лариса Ружанская, студентка московского вуза, планировала провести в Москве. Ее планам помешала сбыться телеграмма, неожиданно полученная из Нижнереченска. В этом затерянном среди северных лесов городе долгие годы жила тетя ее мамы Ольга Николаевна Воеводина. Приславшая телеграмму соседка Ольги Николаевны извещала родственников о ее смерти и сообщала дату похорон.

Ольга Николаевна была одинока и при жизни часто гостила у родственников в Москве. Приезжала обычно на неделю. Посетив театральные спектакли или какую-нибудь шумевшую в прессе выставку, делала набеги на столичные магазины и, накупив провинциального дефицита, отбывала с сумками к себе домой. Летом Майя с отцом и матерью иногда подолгу жили у тети Оли в ее добротном бревенчатом доме на окраине Нижнереченска. Дом был окружен садом, в нескольких десятках метров от которого протекала небольшая, но полноводная речка со смешным названием Мурашка.

Сразу же после получения телеграммы мать и дочь Ружанские выехали в Нижнереченск. Проводив в последний путь тетю Олю, и помянув ее с соседями, они долго думали, как быть дальше: заколачивать дом, оставшийся им в наследство, и уезжать в Москву или провести лето в Нижнереченске. Жить на дальней окраине этого небольшого по столичным меркам города было проще и легче, чем в центре торгующей Москвы. К тому же после Ольги Николаевны осталось небольшое хозяйство, с которым надо было что-то делать. Тетя Оля в свою бытность держала несколько кур и петуха. Имелась в хозяйстве коза Дуся, требующая ухода, да рыже-белая с черным ухом кошка по кличке Мулька. В погребе под домом нашлись полтора мешка картошки, несколько банок с соленьями, варенье и литров пять подсолнечного масла.

«Прикуплю круп, муки и сахара, – думала Майя, – и с божьей помощью мы с Ларкой проведем здесь лето. Отдохну от этого проклятого рынка. Хорошо, что весь свой денежный запас я привезла с собой. А в Москву мы вернемся осенью, когда Лара начнет семестр в университете».

Ларису бытовые проблемы интересовали мало. Она поначалу чувствовала себя в Нижнереченске также привычно и свободно, как чувствует себя рыба в знакомой водной стихии. Еще в детские годы, подолгу отдыхая здесь с бабушкой, она подружилась с несколькими местными девчонками и живущим по соседству Кирюхой Селезевым. Он был на лет шесть старше ее, но возраст не мешал их дружбе, и Кирилл с удовольствием принимал участие в вылазках девчонок в лес по грибы и ягоды.

Девочки выросли, заневестились. Одна из них даже успела выйти замуж за местного паренька, а Кирюха Селезев превратился в рослого молодого человека с лихой прядью русых волос надо лбом и голубыми пронзительными глазами. Его и Кирюхой – то теперь называть было как – то неудобно. Ему по нынешним временам вполне соответствовало мужественное имя Кирилл.

Увидев Лару в день похорон тети Оли, он окинул ее с ног до головы удивленным взглядом и восхищенно произнес,

– ну, здравствуй, Рыжая. Обалдеть, какой ты стала! Красавица!

– А ты как был Кирюхой, так им и остался. Тише, люди кругом. Ты забыл, что мы на похоронах, – шикнула на парня Лара. – Приходи на поминки, там и поговорим.

Ее разговор с Кириллом состоялся на темной террасе, прятавшейся за пышным кустом сирени. После выпитых за поминальным столом нескольких рюмок водки Кирилл стал разговорчивым и откровенным. Лара узнала, что, вернувшись из армии, он долго и безрезультатно

искал работу. О поступлении в техникум или вуз в то время не могло быть и речи. Парнем владело единственное желание – помочь матери поднять хозяйство, пришедшее после смерти отца в запустение. Для осуществления этого нужны были деньги. Помыкавшись в поисках работы, Кирилл по протекции одного из своих друзей устроился охранником к хозяину местного рынка, где прижился настолько хорошо, что за короткое время стал заметной фигурой среди людей, приближенных к рыночному воротиле. Работа на рынке оказалась прибыльной. Селезнев не только подновил старый родительский дом, но и достроил его, добавив еще один этаж, просторную теплую комнату на месте бывшей террасы и целый комплекс упрощающих быт новейших обогревательных и сантехнических устройств. Обнесенный высоким кирпичным забором дом с ухоженным садом, теплицами и аккуратными огородными грядками походил теперь на надежно защищенную крепость.

– У меня сейчас дела идут хорошо, – не без хвастовства заявил Кирилл Ларисе. – В доме полный достаток, вот только молодой хозяйки не хватает. Но с этой проблемой я скоро справлюсь, – твердо и убежденно проговорил он, пристально глядя в темные блестящие глаза Лары. – Рыжая, будешь хозяйкой в моем доме?

– Вот так прямо и сразу, – рассмеялась девушка. – Я тебя теперешнего, Кирилл, не знаю. Ты совсем не похож на того мальчишку, с которым я играла в детстве. К тому же хорошая хозяйка из меня вряд ли получится, дома почти все за меня делает мама. Я – белоручка, Кирилл. – Лара, не желая обидеть парня, мягко улыбнулась ему и легко коснулась рукой его плеча. Кирилл воспринял ее произвольный жест как сдержанную ласку.

– Никуда теперь ты от меня не денешься, Рыжая! Моя ты будешь – и точка. Другой жены мне не надо – в глазах Кирилла промелькнула испугавшая Ларису жесткая властность, которая говорила о том, что любые возражения с ее стороны не только бесполезны, но даже опасны и могут спровоцировать парня к более быстрым и решительным действиям.

Намерения Кирилла пугали Лару. Таким она видела его впервые. По сути, она совсем не знала этого человека. Жизнь изменила его. Смешливого мальчишку, каким он был раньше, превратила в самонадеянного мужчину, уверенного в безнаказанности своих действий. Она не испытывала к нему теперь даже дружеских чувств, а перспектива брачных уз с этим совершенно чуждым, пренебрегающим ее желаниями человеком казалась ей страшной. Лара полгала, что ее резкий отказ может привести к насильственным с его стороны действиям, поэтому решила занять выжидательную позицию и подготовить пути к своему возможному отступлению.

Она, не желая обидеть Кирилла, стала сдержано принимать его настойчивые ухаживания. Он же, боясь спугнуть Лару, не совершал поспешных действий и не переступал ту запретную черту, которую мог позволить себе в отношениях с любой другой девушкой.

«Не стоит спешить, – думал он. – Спешка, как говорят, нужна лишь при ловле блох. Надо дать ей время привыкнуть ко мне, понять меня, а может быть, и полюбить. Вот тогда стоит засылать к ней в дом сватов. Времена сейчас лихие, надо сказать своим парням, чтоб не спускали глаз с ее дома и были в курсе всех ее передвижений по городу. Береженого бог бережет», – подытожил Кирилл ход своих мыслей.

Назойливое внимание со стороны двух незнакомых парней к своей персоне Лара заметила сразу. Сначала они вели наблюдение за ее домом из окна черного джипа. Потом она увидела их еще раз, выходящими из своей машины уже в другом районе города.

Непонятная слежка беспокоила Лару, вызвала у нее естественное чувство страха, желание подойти к парням и напрямую спросить о причине, заставляющей их неотступно следовать за ней. Она понимала, что частые встречи с ними неслучайны, что человек, которому они служат, строго контролирует их действия. Но кто это может быть? Неужели Кирилл?

Однажды по просьбе матери Лара приехала на окраину города. Здесь в далеком от городского центра спальном районе жила Дарья Максимовна Радченко – хорошая знакомая Майи

Владимировны, обещавшая оказать ей помощь в хлопотах по оформлению наследства. Лариса привезла приятельнице матери папку с документами. Открывая дверь подъезда, в котором на втором этаже находилась квартира Дарьи Максимовны, она оглянулась и увидела знакомый черный джип, подъезжающий к стоянке автомашин.

Дарья Максимовна оказалась радушной хозяйкой. Усадив гостью в глубокое кресло, она пододвинула к ней небольшой журнальный столик. На нем лежала коробка с зефиром, принесенная Ларисой, а рядом с ней стояла небольшая ваза с печеньем. Скоро на столе появились розетка, наполненная вареньем, и две расписные цветастые чашки с горячим чаем. Дарья Максимовна завела разговор о трудностях теперешней жизни, о том, что уже третий месяц не получает зарплату и ей, инженеру, чтобы как-то выжить, приходится по выходным дням приторговывать на местном рынке. Лара поделилась с женщиной своей проблемой, рассказав о черном джипе и двух парнях, не дающих ей покоя.

– Они, может быть, и сейчас поджидают меня у Вашего дома, – сказала девушка, заканчивая свой рассказ.

– Я посмотрю, там ли они, – вскочила с места Дарья Максимовна. Она подошла к окну и слегка отодвинула край тюлевой занавески. – Да, джип припаркован у дома. Около него стоит парень с сигаретой в руках, второй сидит в машине. Из открытого окна машины я вижу его локоть, – тихо проговорила она. – Этого парня с сигаретой я часто встречаю на рынке, – повернувшись к Ларисе, добавила женщина.

– На рынке в охране служит Кирилл Селезнев. Вы знаете такого? – с тревогой в голосе спросила Лара хозяйку дома.

– Да кто ж его не знает! – воскликнула та – он личность у нас известная. Бандит тот еще, правая рука хозяина рынка. Ты, девочка, держись от него подальше. Месяца два тому назад у нас на рынке перестрелка была. Наши местные что-то не поделили с ребятами из Слободской группировки. Кирилл тогда пристрелил двух парней из Слободы, и никто его за их убийство даже к ответу не призвал. От людей я слышала, что прикрыл его тогда владелец рынка, у которого надежные связи в администрации города. Вот и разгуливает этот Кирилл по городу королем. Люди от него шарахаются. – Дарья Максимовна тяжело вздохнула, потом перевела удивленный взгляд на Лару. – А ты откуда его знаешь?

– Сосед он наш, – обреченно вздохнула девушка, – приглянулась я ему, хочет на мне жениться.

– Жениться он хочет! – Дарья Максимовна всплеснула руками – да от такого жениха бежать надо без оглядки. Жалко мне тебя, Ларочка, пропадешь ты с ним. Уезжай, детка, в Москву, пока беда с тобой не случилась. Уезжай, а там будь что будет!

Поговорив еще немного с Дарьей Максимовной, Лара стала собираться домой.

– Я провожу тебя, Лариса. Боюсь, как бы бандиты эти тебя не обидели. От них всего можно ожидать. – Дарья Максимовна торопливо сбросила комнатные тапки и засунула ступни в видавшие виды туфли с низким каблуком. – Не бойся, детка, я не дам тебя в обиду.

Она проводила Лару до ее дома на улице Герцена и зашла к Ружанским, чтобы поговорить с Майей Владимировной о проблемах, возникших у ее дочери. Факты, изложенные приятельницей, не только удивили Майю, но и сильно ее испугали. Она была знакома с Кириллом, помнила его мальчишкой, забегавшим к ним в дом и дружившим с ее Ларой.

– Как этот доброжелательный и улыбчивый паренек со временем мог превратиться чуть ли не в главаря бандитской группировки, контролирующей город? – недоумевала Майя. – Бандит хочет стать мужем моей дочери? Нет, этого допустить нельзя! Надо срочно отправить Лару в Москву. Там она будет в большей безопасности. Но как ей уехать незамеченной, если за домом установлена слежка? Кирилл со своими подручными может перехватить ее по дороге на вокзал, помешать ей сесть в поезд, а потом увезти бог знает куда и надругаться над ней. Боже мой, что мне делать? Как спасти дочь?

Выход из сложившейся ситуации нашла Дарья Максимовна. План ее был потрясающе прост. Она решила завтра же купить билет для Ларисы на ночной поезд, следующий в Москву. Лара с Майей должны по ее замыслу весь день провести у себя дома, посидеть на открытой веранде, помелькать в саду, покопаться на огородных грядках, то есть должны вести себя так, чтобы не вызвать никаких подозрений у парней, следящих за домом. Вечером Лара незаметно для них выберется через потайной лаз в заборе на Садовую улицу, ограничивающую задворки участка Ружанских. Эта улица параллельна улице Герцена, на которой дежурят наблюдатели в черном джипе. На Садовой ее будет ждать в своей машине племянник Дарьи Максимовны Саша Маслов с железнодорожным билетом до Москвы. Он привезет Лару на вокзал и посадит в московский поезд. О том, что Лары нет в Нижнереченске, Кирилл сможет догадаться только спустя несколько дней.

– Ваш план, безусловно, хорош, Дарья Максимовна, – Лара взглядом поблагодарила свою спасительницу. – Но как быть с мамой? Я боюсь, что Селезнев, узнав о моем побеге, отыграется на ней.

– Не бойся за маму. Он ее не тронет, – засмеялась Дарья Максимовна. – Ему нужна ты, Ларочка, а не она. Надеюсь вернуть тебя, он с твоей мамой будет вести себя безукоризненно.

Слова Дарьи Максимовны показались Ларе убедительными, и она решилась на побег.

После отъезда Лары Майя весь оставшийся вечер и следующий день, изредка выходя в сад, делала вид, что громко разговаривает с дочерью, якобы находящейся в глубине одной из комнат. Таким поведением, по ее мнению, она создавала для наблюдателей эффект присутствия Ларисы в доме.

Через два дня после отъезда Ларисы из Нижнереченска к Ружанским в гости пожаловал сам Кирилл. Пришел он не с пустыми руками, а с роскошным букетом чайных роз.

– Добрый вечер, Майя Владимировна, – лучезарно улыбнулся мужчина. – Лара дома?

– Тебе, Кирилл, должно быть известно, где она, – рассмеялась Майя.

– Почему Вы так решили? – удивился Селезнев. В словах Майи Владимировны ему почудился скрытый подвох. Улыбка быстро сползла с красивого лица Кирилла, а в сужившихся вдруг голубых глазах появился жесткий металлический блеск и какая-то тревожная напряженность мысли.

– Неужели парни, которые следили за моей дочерью с утра до вечера, не доложили тебе о том, где она сейчас? – глядя с вызовом на Кирилла проговорила Майя Владимировна.

– И где же она? Уехала? Когда и куда? – быстро спросил Селезнев.

– Уехала от греха подальше. А вот куда – даже мне не сказала. Знаю только, что в Москве ее нет. – Майя застыла в ожидании ответных действий Селезнева. Сердце женщины зашлось от волнения, в голосе появилась незнакомая хрипотца.

Но Селезнев только задумчиво посмотрел на Майю Владимировну и мрачно произнес:

– От греха подальше» говорите. – Он усмехнулся и почти миролюбиво добавил, – грех у каждого свой и от него не убежишь, но если он неизбежен, то лучше согрешить себе во благо. – Кирилл положил букет на скамейку, рядом с которой стояла Майя Владимировна, резко повернулся и, бросив женщине короткое «прощайте», быстрым шагом направился к калитке.

Майя прожила в Нижнереченске до поздней осени. Отдыхала здесь летом следующего года и, подыскав надежных покупателей, продала доставшийся ей в наследство дом вместе со всей живностью и прилегающим к нему земельным участком. Кирилла она за все это время ни разу не встретила. Дарья Максимовна, будучи в курсе всех рыночных новостей, сообщила ей, что на Селезнева было совершено покушение. Он получил тяжелое ранение, но остался жив. После выписки из больницы вынужден был скрыться от бандитов, покушавшихся на его жизнь где-то за границей.

Глава четвертая. Медведь

Лара, окончив вуз и просидев четыре с лишним года в неказистом ООО, занимающемся изготовлением оптических линз и зеркал разной кривизны и размеров, устроилась, наконец, не без помощи добрых людей на работу технологом в конструкторское бюро при крупном заводе, выпускающем интегральные микросхемы. В них испытывали острую необходимость многие отрасли промышленности. Отдел КБ, куда ее определили на должность инженера, делился на секторы, каждый из которых занимался решением строго определенных проблем. Сектор был поделен на группы, разрабатывающие узкий круг вопросов в рамках общей темы отдела.

Группа Ларисы, состоящая из нескольких инженеров и операторов, занималась вопросами нанесения тонких пленок на подложки, сделанные из полупроводниковых материалов. Этот процесс осуществлялся операторами на специальных вакуумных установках. Инженеры контролировали работу операторов, разрабатывали технологии получения тонких пленок из различных металлов, добивались хорошей их адгезии и оптимального процента выхода годной продукции.

Подложки с тонкими пленками направлялись в соседний сектор, где над ними начинали колдовать химики. Они методом травления получали на подложках резисторы, токоведущие дорожки, заменяющие провода, тонкопленочные конденсаторы. Отдельная группа химиков в специальных диффузионных печах изготавливала полупроводниковые диоды и транзисторы.

Готовые тонкопленочные и навесные элементы поступали в соседний отдел к схемотехникам. Эти специалисты создавали топологию – своеобразную карту, по которой на специальных платах осуществляли монтаж всех элементов микросхемы. Итогом работ были технологические инструкции, по которым уже на заводе осуществлялся полный цикл изготовления микросхем в промышленном масштабе.

Лариса, чувствуя себя частью этого непрерывно работающего механизма, увлеченно занялась порученным ей делом. Она понимала, что малейший сбой в ее работе повлечет за собой неполадки в других звеньях длинной цепи, протянутой от нее к заводским цехам. Девушка перечитала уйму технической литературы на русском и английском языках, освоила свои установки вакуумного напыления до такой степени, что по урчанию вакуумного насоса и звукам, издаваемым установкой при работе, могла предугадать конечный результат всего процесса в целом. Лариса сама составляла технологические инструкции и, не доверяя никому, по несколько раз переделывала и перепечатывала их. Она знала, что работать с этими документами придется людям разного уровня образования, поэтому добивалась максимально возможной легкости их прочтения и понимания написанного текста.

Майя Владимировна тем временем, бросив постыдную, по ее мнению, работу на рынке, окончила бухгалтерские курсы и, освоив мудреное дело бухучета, устроилась в небольшую частную фирму бухгалтером. О возвращении в НИИ она, утратив профессиональные навыки, даже не помышляла.

Словом, жизнь семьи Ружанских приобрела устойчивое равновесие, и все в ней было вроде бы неплохо, но чего-то явно не хватало. Не хватало веселого смеха, детского визга, шумных застолий, но самое главное – не хватало сильного рукастого мужчины, способного поддержать в трудную минуту, переложить на свою широкую спину часть бытовых проблем. Она, эта спина, могла бы служить надежным прикрытием от больших и малых житейских неурядиц и передраг. Но где ж найти такого доброго, надежного, бескорыстного? Майе Владимировне

такие замечательные образцы мужского пола не попадались, хоть и пожила она на этом свете немало и многое повидала.

Ларе, несмотря на ее незаурядную внешность, с мужчинами тоже не везло. Тех из них, кто были попроще, отпугивала ее утонченная красота. Другие, статусом повыше, видели в ней только красивую женщину, которая в должной оправе из одежды от кутюр и дорогих аксессуаров способна поднять престиж их в обществе. От таких мужчин Лара спасалась примерно так же, как от любви Кирилла Селезнева.

Лара работала в коллективе, средний возраст членов которого колебался на уровне тридцати пяти, сорока лет, и была в нем не из робкого десятка. Она быстро нашла общий язык с сотрудницами отдела и заинтересовала его мужскую часть, представители которой видели в ней не только привлекательную женщину, но и знающего свое дело надежного партнера по работе. Исключение составлял, пожалуй, только ведущий инженер отдела схемотехники – Дмитрий Ермолин. С ним Лара непосредственных контактов по работе не имела. Она выделила его из общей массы окружающих ее людей только благодаря нелепому инциденту, случившемуся в первый же день посещения ею КБ.

Сумрачным ноябрьским днем, оказавшимся, как выяснилось позже, для Ларисы знакомым, она, спрятав нижнюю часть лица в пушистый шарф и натянув на лоб вязаную шапку, выходила из комнаты, на дверях которой висела табличка с краткой надписью «Отдел кадров». Дверь отдела кадров находилась на первом этаже рядом с турникетами, у которых в прозрачной кабине дежурил охранник. Погруженная в свои мысли, девушка прошла мимо стража и направилась к выходу из здания. Неожиданно прямо перед ней в дверях выросла высокая мужская фигура. Лара вздрогнула и, шагнув по инерции вперед, уткнулась носом в эту внезапно появившуюся преграду.

– Ой! – воскликнула она, поднимая вверх лицо. Сверху на девушку смотрели большие серые смеющиеся глаза, в которых по мере роста ее удивления стала появляться небольшая доля ехидства. Именно эта ехидная смешинка почему-то задела Лару так, что она, оттолкнув мужчину, резко бросила ему в лицо, – медведь, чуть не растоптал! Неужели не видишь куда идешь?

– Ах, она сердится! – мужчина насмешливо посмотрел Ларе в глаза. – Злюка! В этих стенах такие злющие мне еще не попадались, – с ухмылкой проговорил он.

Лариса выбежала на улицу и, желая погасить бушующее в ней негодование, быстро зашагала по аллее парка, разбитого вокруг КБ.

«Боже мой, – думала она, направляясь к воротам центрального входа, – что я натворила. К концу дня у меня сдали нервы. Банальную ситуацию, которую можно было разрешить простой шуткой, я превратила в ссору. Как скверно закончился мой первый день в КБ! Все это – не к добру».

Через несколько дней она вновь встретила сероглазого мужчину. Он внимательно слушал сотрудника, шедшего рядом с ним по длинному узкому коридору. Увидев Лару, мужчина нахмурил лоб, как бы пытаясь что-то вспомнить, потом окинул ее внимательным взглядом и едва улыбнувшись, кивнул в знак приветствия головой.

– Неужели узнал? – Лара ускорила шаг, чтобы как можно быстрее скрыться за спасительной дверью, ведущей в лабораторию. – Нет, судя по кивку, не узнал. – Ее действительно очень изменила одежда, ношение которой в лабораториях отдела было предписано нормами вакуумной гигиены. На работе она одевалась обычно в не пригнанный по фигуре белый халат с большими накладными карманами и шапочку, похожую на ту, что носят работники медицинских учреждений. К тому же она казалась ниже ростом, сменив в раздевалке сапоги с высокими каблуками на сменные туфли и бахилы.

Однажды ехидный сероглазый мужчина зашел к начальнику сектора по служебным делам. Увидев его, Лара спряталась за установку.

– Кто это? – спросила она у стоящей рядом Лиды, которая работала на установке оператором.

– Кто? – переспросила девушка.

– Ну, этот высокий темноволосый, разговаривающий со Степаном Александровичем, – пояснила Лара.

– Ах, этот. Это Дмитрий Аркадьевич Ермолин, ведущий инженер отдела схемотехники. – Лида перевела взгляд на пульт установки. – Лариса Олеговна, сегодня у нас неплохо идет откачка воздуха из камеры. Через минут десять я открою шибер и начну процесс.

– Лида, последи, пожалуйста, за показаниями вакуумного манометра, – попросила Лара оператора. – Точно установи температуру плавления гранул и не забудь зафиксировать время напыления, – добавила она, бросив внимательный взгляд на светящийся пульт установки.

Лариса привычно села за свой рабочий стол, стоящий рядом с гудящим агрегатом, и занялась изучением журнала с записями результатов предыдущих опытов.

Очередная встреча Лары с Ермолиным состоялась в самом людном в обеденное время месте КБ – в столовой. Чтобы не толкаться в очереди, она приучила себя ходить на обед в конце перерыва. Лара в раздумье стояла перед раздаточной стойкой, не зная, что ей выбрать шницель с гарниром или рыбу под соусом.

– Берите рыбу, – произнес мужской голос позади нее. – Она намного вкусней тощего шницеля. Еще рекомендую попробовать булочки с изюмом. Их неплохо выпекают в здешней столовой.

Лара оглянулась и обомлела – советы давал пристроившийся в очереди за ней Ермолин. Она улыбнулась, глядя в его серые глаза, и поблагодарила за совет. Потом взяла рыбу и, расплатившись на кассе, села за свободный столик лицом к широкому окну. С высоты восьмого этажа перед ней предстал обычный городской пейзаж с прямоугольниками высотных зданий, разбросанных вдоль широкого шоссе, по которому в двух противоположных направлениях сновали юркие машины.

– Я вам не помешаю? – раздался знакомый голос.

– Присаживайтесь, – вежливо разрешила Лариса.

Ермолин неторопливо поставил поднос с тарелками на стол и, усевшись на казавшийся маленьким для его большого тела стул, задал Ларе вопрос, который она меньше всего ожидала услышать.

– Почему первое не едите? Фигуру бережете?

– Думаю, от такого жиденького супа, какой взяли Вы, я вряд ли поправлюсь, – буркнула Лара. – Мне не нравятся первые блюда в этой столовой.

– Ну а мне выбирать не приходится, – вздохнул Ермолин, принимаясь за малоаппетитный с виду грибной суп.

– Кстати, давайте знакомиться, – оторвавшись от тарелки, проговорил он. – Я – медведь.

– А я – злюка, – рассмеялась в ответ Лара. Потом чуть помедлив, добавила, – я очень хотела бы забыть этот неприятный инцидент. Прошу прощения за несдержанность.

– Ну а если серьезно, как Вас зовут? – Ермолин улыбаясь, неотрывно смотрел на Лару. В его глазах плясали уже лишние ехидства знакомые ей смешинки.

– Лариса, работаю инженером в секторе Степана Александровича Панченко.

– В таком случае мы с Вами соседи. Я – Дмитрий Ермолин из отдела схемотехники, – он с сочувствием посмотрел на Лару, упорно пытающуюся разделаться с куском рыбы. – Вижу, рыба вам не нравится. Откровенно говоря, она мне тоже успела надоесть.

Отношения, которые завязались у Лары с Ермолиным, нельзя было назвать ни дружбой, ни любовью. Это была просто обоюдная симпатия, сразу же замеченная окружающими их людьми. Эта симпатия благодаря стараниям Ермолина незаметно переросла для Лары в какую-то странную ни к чему не обязывающую привязанность.

Ермолин почти каждый день под разными предлогами стал появляться в отделе, где работала Лариса. Его серые глаза искали ее среди сослуживцев и, обнаружив на месте, не могли скрыть радость. Лара начала привыкать к его посещениям, более того, они волновали ее и очень скоро стали для нее необходимы. День, прожитый без них, казался теперь ей пустым и долгим.

– Лариса Олеговна, мне кажется, Ермолин к Вам равнодушен, – заметила Лида после очередного появления в лаборатории Дмитрия Аркадьевича. – Что-то зачастил он к нам. Да и на Вас поглядывает как – то по-особому. – Лида искоса лукаво посмотрела на Лару. – Жених он у нас завидный, красивый, умный. – Лида покачала головой и шутливо добавила, – к тому же холост, год назад развелся с женой. Каждая из нас хотела бы быть на Вашем месте.

«Значит, мне крупно повезло», – подумала Лара, а вслух устало и равнодушно произнесла:

– Он мне тоже нравится, заметный мужчина.

Глава пятая. Нежданные встречи

Завод, куда была откомандирована Лариса, находился в лесной зоне на окраине Нижнереченска. Рабочих и служащих доставлял на работу служебный автобус, курсировавший между предприятием и одной из центральных площадей города. На нем Лара доехала до заводской проходной, где смешалась с толпой людей, спешащих к своим рабочим местам. О ее прибытии в Нижнереченск Панченко накануне известил по телефону главного инженера, поэтому временный пропуск на предприятие она получила в проходной сразу же после того, как назвала свою фамилию дежурившему охраннику.

Следуя советам Степана Александровича, Лариса поднялась на третий этаж к кабинету, на дверях которого красовалась надпись «Костомаров Игорь Денисович», и решительно вошла в небольшую комнату, где за столом, несмотря на ранний час, уже работала секретарша. Поздоровавшись, Лариса попросила женщину доложить Костомарову о своем приходе.

Через несколько минут вместе с секретарем из кабинета вышел сам Игорь Денисович. На вид ему было лет пятьдесят. Высокий и грузный с простым как бы наспех вылепленным природой лицом, он был одет в костюмную пару, не соответствовавшую ни его облику, ни деловой заводской обстановке. Костомаров поздоровался, окинув Лару внимательным взглядом, и, приветливо улыбнувшись, сказал:

– Через пятнадцать минут у меня начнется планерка. На ней я познакомлю Вас с начальниками цехов, а пока отдыхайте. Татьяна Борисовна, угостите нашу гостью, – привычно распорядился он.

Татьяна Борисовна быстро сварила кофе и, соорудив несколько бутербродов с ветчиной и сыром, предложила Ларисе позавтракать. Лариса с удовольствием принялась за еду. Между тем тесная приемная стала быстро заполняться людьми.

В назначенное время Лара, несколько мужчин и две женщины вошли в просторный кабинет Костомарова и заняли там места. Лариса села на один из стульев, расставленных вдоль длинного стола, во главе которого восседал в офисном кресле Игорь Денисович.

Костомаров быстро сделал переключку присутствующих, представил им Ларису и попросил оказать ей посильную помощь в делах. Он рассказал об итогах министерской проверки, которая закончилась на прошлой неделе. Очень кратко в сжатой форме изложил результаты военной приемки серии микросхем и указал на проблемы, над которыми предстояло работать в заводских цехах всю текущую неделю.

В конце планерки главный инженер попросил задержаться на несколько минут невысокого худощавого мужчину в белом халате.

– Николай Иванович Обручев, – представил он мужчине Ларе, – начальник цеха вакуумного нанесения тонких пленок. Николай Иванович, очень тебя прошу, ознакомь специалиста из Москвы со своим производством. Лариса Олеговна окажет нам помощь в работах по новым технологическим инструкциям. – Он дружески похлопал Обручева по плечу. – Дерзай, старина, да смотри не обидь нашу гостью.

Ведомая Обручевым Лариса поднялась на четвертый этаж заводского здания, где находился цех вакуумного напыления.

– Вам надо получить спецодежду, пройдите, пожалуйста, в раздевалку, – попросил ее Обручев. – Я пришлю к Вам нашего инженера Наталью Анатольевну с комплектом одежды.

Лариса прошла в просторную комнату, вдоль стен которой были расставлены небольшие пронумерованные шкафы, а по центру вытянулись длинные низкие скамейки. Она села на одну

из них. Через минут десять в комнату, прерывисто дыша, вошла полная среднего роста женщина.

– Здравствуйте, спешила к Вам, – улыбнулась она и протянула Ларисе пакет с халатом и шапочкой. – Надевайте халат, – предложила Наталья Анатольевна. – У Вас какой размер обуви?

– Тридцать седьмой, – ответила Лара, аккуратно вскрывая запечатанный пакет.

Наталья Анатольевна открыла шкаф и, порывшись в нем, извлекла из его недр пару бахил и черные туфли без каблуков.

– Мне кажется, эти туфли будут Вам впору, – она придирчиво осмотрела со всех сторон обувь и протянула ее Ларисе.

Халат был немного велик, а новые туфли, спрятанные под бахилами, слегка жали. Зато шапка села на голову как влитая.

– Я готова, – повернувшись лицом к Наталье Анатольевне, отрапортовала Лариса.

– Вот и славно, – похвалила та. – Пойдемте в цех. Я познакомлю Вас с нашим производством.

Лариса со спутницей вошли в просторное помещение, в воздухе которого висел гул работающих установок. Выкрашенные в светло-серый цвет, они выстроились по порядку в два длинных ряда и хорошо освещались светом, льющим из огромных окон и многочисленных люминесцентных ламп. Рядом с некоторыми агрегатами стояли легкие рабочие столы операторов и невысокие стеклянные шкафчики с необходимыми в работе приборами и материалами. Столы инженерного персонала занимали места в центре зала.

Лариса отметила безукоризненную чистоту, царившую в цехе, и не удивилась ей. Чистота, а точнее вакуумная гигиена, была необходима для получения качественных микросхем и неукоснительно соблюдалась на всех этапах их изготовления.

Согласно требованиям вакуумной гигиены в цехе, где проводился процесс тонкопленочного напыления, поддерживалась строго определенная температура и влажность, а число пылинок в единице объема воздуха соответствовало предписанному инструкциями минимуму. Для достижения этих требований персонал, работающий в условиях вакуумной гигиены, не только носил спецодежду, но и по несколько раз в день делал на рабочих местах влажную протирку оборудования и пола.

В этот же день Лариса побывала и в других заводских цехах. Она познакомилась с работой химиков. Долго любовалась отлаженной точностью движений девушек-операторов, осуществлявших операцию под названием «разварка межсоединений». Вооружившись микроскопами, они с поразительной сноровкой приваривали тончайшие золотые и серебряные проводки к элементам сложной микросхемы. Работу операторов смело можно было назвать ювелирной, так как диаметр проволоки был значительно меньше толщины человеческого волоса, и вредной, из-за того что многочасовой контакт глаз с окуляром микроскопа отрицательно сказывался на их здоровье. Закончила свой рабочий день Лара в цехе герметизации микросхем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.